

О работах главного художника Московского областного театра драмы

ПОЭТИЧЕСКАЯ АТМОСФЕРА СПЕКТАКЛЯ

РАБОТА художника, связанная своей судьбой со сценой, весьма специфична. Художник выступает в театре прежде всего как интерпретатор драматического произведения. Его инициатива в большой степени predetermined замыслом режиссера спектакля. Да и круг подвластных театральному художнику средств достаточно ограничен — декорации, костюмы, свет... Особые сложности возникают в работе художника передвижного театра. Закон его творчества — самоограничение. Поместятся ли задуманные им декорации в кузове грузовика, «впишутся» ли они в портал небольших клубных сцен, на которых нередко выступают областные театры? — такие вопросы здесь подстерегают художника на каждом шагу. И при всем том главная забота его всегда направлена к тому, чтобы и в самых неблагоприятных сценических условиях сделанное им в спектакле оставалось подлинным искусством, несло зрителям художественное наслаждение, способствовало их эстетическому воспитанию, наконец, учило любить сцену.

Именно с таким искусством знакомила нас выставка работ главного художника Московского областного театра драмы Александра Бомштейна, проходившая по инициативе МОСХ в помещении Дворца культуры МИИТа.

Выставка знакомила нас с художником, влюбленным в искусство сцены и познавшим секреты своего трудного ремесла. Впечатление необычайной праздничности от эскизов декораций и костюмов не случайно. Искусство художника возникает на том уровне, когда трудности, связанные с особенностями его работы в гастрольном театре, преодолены естественно и органично, когда самоограничение не сковано творческие возможности мастера, но придает его эскизам легкость и изящество, а ощущение уверенности мастерства перерастает в радость творчества.

При этом художник не замыкается в пределах одного стиля, не пытается одним и тем же ключом «открыть» различные драматические произведения. Он одинаково тонко чувствует природу чеховской драматургии и игровую стихию пьесы Лопе де Вега, наивную фантастику детской сказки и сумеречный драматизм «Записок сумасшедшего» Гоголя. Однако верой и правдой служа пьесе, художник не изменяет принципам собственного творчества.

Прежде всего, как нам представляется, А. Бомштейн интересуется создание поэтической атмосферы спектакля, переданной в пространственной организации, колористической гамме и освещении постановки. Вот серебристо-серый, словно еще необжитый людьми, простор интерьера «Трех сестер», залитый ровным предрассветным светом, и тонкие ветви деревьев, самовластно проникшие сквозь стены в дом Прозоровых... Вот глубокая, тревожная синь фона «Госпожи Бовари» Г. Флобера, изящный контур стильной мебели, тонкий очерк люстры — своего рода символы хрупкого и обреченного на разрушение мира... Вот широкие, расположенные на разной высоте пло-

щадки «Дуэньи», пока что полускрытые от глаз зрителя легкими подвижными суперзанавесами, намекавшими на место действия, — как нетрудно представить себе вереницу живописных комических персонажей Шеридана, выбегающих на эти площадки...

Думается, актерам не так легко играть в декорациях художника: перед ними всякий раз встает задача заполнить свободное пространство сцены живыми эмоциями, кипением мысли. Им предстоит найти игру полновзвучную, театрально-яркую, но и правдивую, потому что в декорации А. Бомштейна ничто не отделяет и не отгораживает их от зрителя, а яркость цветовых решений требует широкого и выверенного пластического рисунка. И это, разумеется, трудности, побуждающие режиссуру и актеров к творческому поиску, к обретению поэзии.

В своих эскизах, однако, А. Бомштейн не ограничивается созданием общей атмосферы. Его работы в высшей степени содержательны. Не случайно художник использует при оформлении постановки пьесы В. Мережко «Ванечка» на сцене Театра им. Моссовета дерево и только дерево. Он сооружает бревенчатый помост, свободно парящий над ним портал из коротких бревен, помещает в его контуре несколько грубо сколоченных калиток. Он создает декорационно-размышление, смысл которой раскрывается по ходу спектакля — о человеке, прожившем жизнь впустую, прошедшем мимо дома, за дверьми и калитками которых его ждали понапрасну, и слишком поздно осознавшем свое непонимание простых, как это свежеструганное дерево, истин. Мышление художника конкретно и в то же время — образно. Оно пробуждает фантазию зрителя и учит его понимать язык искусства — учить чувствовать театр и думать над жизнью.

Лучшие эскизы художника служат своего рода камертоном для работы режиссеров и исполнителей. Это особенно остро чувствуется в том, как художник решает эскизы костюмов, составившие особый раздел выставки. Здесь — в костюмах для «Госпожи министерши» Нушича, для «Бочки меда» Л. Устинова и других спектаклей А. Бомштейн предстает не только как тонкий график, прекрасно чувствующий линию, точно передающий фактуру и цвет тканей, но и как истолкователь образов, как психолог, умеющий в рельефной детали оттенить ведущее качество персонажа, и вместе с тем — как тонкий стилист, во многом predetermined живое и пластическое решение будущего спектакля.

Работы А. Бомштейна не вмещаются в круг обычных интересов театрального художника. На выставке были представлены пейзажи, в которых художник не перестает восхищаться красотой природы, натюрморты, в которых его привлекают неисчерпаемые возможности композиции, особенности освещения; своеобразия фактуры предметов. Театральный художник, творя для театра, идет от жизни, от богатства ее красок и образов.

А. ЯКУБОВСКИЙ,
кандидат искусствоведения.

31 ЯНВ 1978

МОСКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР